

Православный нигилизмъ или православная культура?

Статья Л. Гринченко представляет первый на страницах «Вѣстника» откликъ «дѣтей» на обвиненія «отцовъ». Мы привѣтствуемъ его починъ. Чтобы договориться до чего-нибудь, нужно объяснить начистоту. То, что высказалъ Л. Гринченко, несомнѣнно, на умѣ у многихъ. Мы ждемъ, что эти многіе не останутся безмолвны и подадутъ свой голосъ въ этомъ интересномъ спорѣ.

Пока приходится пожалѣть, что свою основную мысль Л. Гринченко осложнилъ историческими экскурсами, не разъясняющими, а затемняющими ее. А главное, что онъ съ такой неосторожной смѣлостью принялъ брошенный молодому поколѣнію вызовъ и оставилъ за собой кличку «нигилиста». Подражая въ этомъ отношеніи Базарову, онъ до известной степени принялъ на себя защиту русскаго нигилизма. Но то, что было естественно для революціонера Базарова, отрицавшаго «все» (кроме естественныхъ наукъ), то оказывается весьма странно въ устахъ православнаго защитника крѣпкой традиціи. Этотъ парадоксъ нѣсколько разъясняется особымъ значеніемъ, въ которомъ авторъ употребляетъ слово нигилизмъ. Для него нигилизмъ лишь «нечувствіе» къ цѣнностямъ старшаго поколѣнія, т. е. разрывъ съ отцами. Онъ ошибается лишь, считая это значеніе слова «популярнымъ». Въ такомъ смыслѣ слово «нигилизмъ» употребляется имъ впервые, и нельзя сказать, чтобы новая терминологія содѣйствовала ясности спора.

Право cadaго поколѣнія на исканіе своего собственнаго пути и на защиту его отъ «отцовъ» не подлежитъ сомнѣнію.

(Какъ, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію и то, что народъ, въ которомъ каждое поколѣніе начисто отрицаетъ дѣло отцовъ, не можетъ создать органической культуры). Но не объ этомъ правъ идетъ рѣчь. Старшее поколѣніе сейчасъ упрекаетъ молодежь не въ бунтъ, а въ отрицаніи или въ недооцѣнкѣ культуры. Это и называется въ просторѣчи православнымъ нигилизмомъ. Нигилизмъ — русскій, вѣрующій (а не скептической) — православный, базаровскій или всякій иной, — характеризуется тѣмъ, что, за исключеніемъ единственнаго, признаваемого за основу жизни, все остальное начисто отрицается: какъ барское и ненужное (шестидесятники), какъ «надстройка» (марксисты), какъ еретическій соблазнъ (наше время). Въ этомъ сказывается безудержность русской натуры, плохо воспитанной, не привыкшей къ сложности жизни и не умѣющей за разъ держать въ умѣ болѣе одной мысли. Отсюда это повальное упростиельство, которое съ 60-хъ годовъ является злокачественной болѣзью, какимъ-то ракомъ, разъѣдающимъ нѣкогда цвѣтущій и богатый организмъ русской культуры (Пушкинъ и его время). Но въ условіяхъ революціонной катастрофы, истребленія культурнаго слоя въ Россіи, новый нигилизмъ грозитъ вообще культурнымъ срывомъ Россіи, превращеніемъ ея въ безбрежное и сѣрое — допустимъ, православное и демократическое — Пошехонье.

Л. Гринченко правъ, конечно, когда связываетъ русскую борьбу отцовъ и дѣтей («нигилизмъ» въ его смыслѣ) съ отрывомъ отъ церковной традиціи. Онъ менѣе

правъ (но все же правъ), указывая на устойчивость Москвы. Его ошибка въ томъ, что онъ не видитъ въ Московской Руси глубокаго кризиса начала XVI вѣка, существенно измѣнившаго весь ея духовный строй. Отъ удѣльнаго быта къ самодержавію, отъ «святой Руси» къ «православному царству» — это была огромная ломка нравственныхъ и религіозныхъ понятій. Вассіанъ Патрикѣевъ и Курбскій были консерваторами, связавшими дѣло стараго боярства съ завѣтами св. Кирилла Бѣлозерскаго и Нила Сорскаго. вмѣстѣ съ погибающимъ классомъ погибали (или тускнѣли) и эти завѣты — идеаль полутысячелѣтней жизни древней Руси. Это показываетъ, что и религіозная цѣлность, даже построенная на православной церковности, не предохраняетъ отъ революцій въ области культуры — какъ духовной, такъ и социальной. Это понятно: культура, даже религіозная, есть область человѣческаго творчества — всегда измѣнчиваго, даже тогда, когда оно утверждено на камнѣ вѣры. Прекращеніе движенія есть смерть, застой — тяжелая боль. Москва XVII вѣка была тяжело больна, скрывая свой недугъ подъ обманчивымъ румянцемъ тучной дебелости и красками вишняго обрядовѣрія. Реформы (или революція) Никона и Петра были неотвратимымъ, хотя и опаснымъ средствомъ спасти больного отъ паралича.

Полезно вдуматься въ трагедію древней Руси, ибо въ ней заложены отдаленные корни русскаго нигилизма (и въ нашемъ и въ Гринченковскомъ смыслѣ). Православная Русь получила изъ Греціи неповрежденную чистоту вѣры и сохранила ее. Въ своей духовной жизни она явила міру высокій образецъ христіанскаго подвижничества, еще не вполне уясненнаго для насъ самихъ. Въ своемъ религіозномъ искусствѣ она обнаружила несомнѣнную геніальность. Она сумѣла создать могучее государство, о которое разбились враж-

дебныя волны и съ Запада и съ Востока. Одного не имѣла Русь: культуры мысли. Въ этой области она не пожелала учиться у грековъ, не подняла факель, брошенный погибшей Византіей, и осталась въ младенческой порѣ сознанія. Она забыла слова апостола: «Не будьте младенцами по уму». Въ результатѣ, когда она столкнулась съ «умомъ» въ лицѣ Запада, въ лицѣ нѣмецкой слободы въ Москвѣ, она оказалась передъ нимъ безоружной. Неизбѣжный для ея существованія процессъ усвоенія западной техники для варварскихъ и простыхъ (не въ добромъ смыслѣ) умовъ превратился въ духовное рабство и отреченіе отъ своей традиціи.

Не то же ли повторилось въ 60-хъ г.г.? Конечно, русскій нигилизмъ этихъ годовъ можетъ быть поставленъ (Гринченко правъ) въ линію русскаго безпочвенной мысли 20-хъ, 30-хъ и т. д. годовъ. Но **этотъ** нигилизмъ имѣетъ и другіе корни. Не даромъ онъ связанъ съ появленіемъ на исторической сценѣ разночинцевъ, людей старой православной культуры, въ большинствѣ случаевъ, изъ духовной среды. Семинаристы — самый замѣтный слой среди нигилистовъ. Какъ объяснить это? Не такъ ли, что въ своихъ семинаріяхъ, или, шире, въ старой традиціи, они не нашли культуры, не нашли сружя. Достаточно острога, чтобы справиться съ атакой Бюхнеровъ и Молешотовъ? Жалки были враги (не выше коммунистическихъ идеологовъ), но и передъ ними не устояли. Для многихъ отрывъ отъ религіозной почвы былъ мучителенъ. Добролюбовъ, на примѣръ, былъ сильной религіозной натурой. Погубила его слабость разума, дѣтская беззащитность передъ змѣемъ.

И теперь — трагедія нашего времени. Поколѣніе, своими исканіями, болью, грѣхомъ и покаяніемъ выведшее русскую мысль на дорогу православной культуры, съ тревогой смотритъ на будущее. Если свѣтильникъ его послѣ него окажется въ

рукахъ православныхъ нигилистовъ, что сулитъ завтрашній день? Сумѣютъ ли они отстоять это сокровище, все значеніе котораго имъ самимъ непонятно, отъ ударовъ врага? Снова, въ который разъ, крѣпость православной культуры на Руси будетъ сдана безъ боя. За семинаристомъ ханжей идетъ семинаристъ-кошунникъ, не можетъ не прийти, по закону историческаго возмездія. Доколѣ же будетъ продолжаться эта безмысленная карусель? Всякому долготерпѣнію есть конецъ — даже Господа Бога. «Богъ воленъ изъ камней сихъ создать дѣтей Аврааму». Индусы и китайцы придутъ и возлягутъ съ Авраамомъ и московскими угодниками въ то время, какъ на мѣстѣ нѣкогда святой Руси будетъ разстилаться духовное болото.

Вотъ отъ какого призрака мы съ ужасомъ отворачиваемся — мы, имѣющіе опытъ всякихъ нигилизмовъ, — и говоримъ: довольно.

Въ своей критикѣ богословскихъ достижений старшаго поколѣнія Л. Гринченко совершенно правъ. Эпоха исканій не была, не могла быть эпохой свершеній. Въ ней много незрѣлаго, субъективнаго, подлежащаго пересмотру.

Новая эпоха ждетъ творческаго синтеза, цѣлостнаго, чистаго, «мѣрнаго» православнаго гнозиса (мудрости). Но единственное условіе для него — школа мудрости. Не цензоры, не инквизиторы, не ересіологи создаютъ богословіе. Ссылки Л. Гринченко на Оригена и св. Григорія Нисскаго весьма кстати — только не для его позиціи. Даже въ боговдохновенномъ творествѣ христіанской догмы отцы Церкви не были свободны отъ заблужденій, и первые создатели системъ, первые мыслители, смѣло поставившіе цѣлью выразить содержаніе Откровенія на языкѣ эллинской мысли, потерпѣли и самыя тяжелья неудачи. Но завершители ихъ дѣла, основоположники православія не были «нигилистами», простыми искоренителями ересей. То были люди высокой мысли и высокой культуры, соединившіе свою мысль и культуру съ духовной жизнью и церковнымъ вдохновеніемъ. Св. Григорій Нисскій изъ ихъ числа, на ряду съ другими великими каппадокійцами, съ великимъ Аванасіемъ и Кирилломъ. Ихъ вдохновенная мысль, а не «панаріоны» (каталоги ересей) легла въ основу вселенскихъ соборныхъ символовъ.

Г. Федотовъ.

Смердяковщина.

— Своимъ умомъ дошелъ? — криво усмѣхнулся Иванъ.

— Въ ~~руководствѣ~~ руководствѣ съ.

— Вы убили, Вы главный убивецъ и есть, я только вашимъ приспѣшникомъ былъ, слугой Личардой вѣрнымъ, и по слову вашему дѣло это и совершилъ.

«Братья Карамазовы».

Смердяковщина — характерная черта нашей современности, но нигдѣ въ мірѣ не расцвѣла она такимъ махровымъ цвѣтомъ, какъ въ безудержной Россіи.

Въ чемъ заключается суть этого явленія, прототипомъ коего является безсмертный лакей изъ «Братьевъ Карамазовыхъ»?

По землѣ проходятъ люди съ истерзаннымъ сердцемъ и горящимъ духомъ, люди далекіе буднямъ земли, вѣчно ищущіе послѣдней правды, абсолютнаго, неопровержимаго.

Это не тепленькіе, но горячіе или холодные — всегда идущіе надъ бездною, всегда готовые ринуться въ нее, всегда въ крайностяхъ.